

— Спи. — Он отвернулся и продолжил варить зелье, черная мантия скрыла его дрожащие пальцы. Джеми на цыпочках вышел из комнаты.

На рассвете кухонная плита уже тихонько потрескивала. Джеми, стараясь не шуметь, достал из шкафа муку и яйца. Его движения были отточены до автоматизма — в приюте утра всегда были пронизаны холодом, и горячая еда оставалась единственным способом согреться самому и помочь другим детям.

Когда яичница на сковороде начала аппетитно шкварчать, он услышал позади шорох ткани.

Снейп стоял в дверях кухни, накинув черную мантию поверх пижамы, а в его темных глазах еще теплилась остаточная сонливость. Он смотрел на чашку с дымящимся черным чаем, стоящую на столе. Цвет настоя был прозрачным, ломтик лимона просвечивал на свету, а меда в нем было ровно две с половиной ложки — именно столько, сколько он привык добавлять.

— Доброе утро, сэр, — тихо произнес Джеми, инстинктивно пряча лопатку за спину. — Яйца... яйца почти готовы.

Взгляд Снейпа скользнул к духовке, где пеклись булочки-сконы с кленовым сиропом — аромат уже заполнил всю кухню. На мгновение он задержался на мусорном ведре, где лежали несколько подгоревших неудачных попыток.

Утренний свет, пробиваясь сквозь тонкие занавески, ложился на стол пестрыми бликами. Снейп взял чашку с чаем идеальной температуры, и густой пар скрыл его резкие черты лица. Он наблюдал за тем, как Джеми расставляет приборы: на худом запястье мальчика виднелся бледный, почти незаметный шрам — след от долгого пребывания в путах.

— Нож и вилка перепутаны, — вдруг сказал он, и голос его прозвучал не так остро, как обычно.

Рука Джеми дрогнула, он тут же переложил приборы. Его движения были пугающе точными — такая мышечная память вырабатывается только после долгих лет суровой муштры.

Снейп потер подушечками пальцев край чашки. В письме Дамблдора было сказано: он сменил три семьи, дольше всего задержавшись в одной из них на одиннадцать месяцев. Вторая семья считала излишнюю покорность дефектом, поэтому...

Чашка тихо звякнула, и по фарфору побежала тонкая трещинка.

— Садись. — Снейп слегка взмахнул палочкой, и трещина мгновенно исчезла. — Твоя яичница остынет.

Когда Джеми осторожно сел напротив, он заметил, что в его тарелке лежит безупречная глазунья — желток был круглым, как маленькое солнце, а края украшала щепотка сушеных

трав.

В утренней тишине повисла пауза. В перерыве между звоном приборов Снейп внезапно произнес:

— Подойди.

Джеми замер с вилкой в руке.

Он послушно встал и подошел.

— Закатай рукав.

Дыхание Джеми перехватило, пальцы непроизвольно сжали край рубашки. Но он не стал спорить и медленно закатал рукав на левой руке — на бледной коже переплетались бледные шрамы. Некоторые из них побелели от времени, словно старые отметины, но были и другие — свежие, будто появившиеся всего несколько дней назад.

Взгляд Снейпа задержался на этих ранах, и в глубине темных глаз мелькнул холод. Его пальцы едва заметно шевельнулись, из рукава скользнула палочка, кончик которой замерцал мягким серебристым светом.

— Это эссенция бадьяна, — его голос звучал низко, без привычной насмешки. — Будет немного жечь.

Магический разряд коснулся кожи, и серебристая жидкость, словно туман, укрыла шрамы. Джеми невольно напрягся, но ожидаемая боль не пришла — лишь легкий холодок, напоминающий утреннюю росу.

Под воздействием зелья шрамы начали бледнеть, пока не превратились в едва различимые полосы.

Снейп убрал палочку и перевел взгляд на вторую руку Джеми — там еще оставалось несколько не заживших синяков.

— Другую, — коротко бросил он, не терпящим возражений тоном.

Джеми покорно закатал второй рукав, в этот раз его движения были более расслабленными.

Последний синяк исчез под воздействием зелья.

Утренний свет падал на пол между ними. Снейп повернулся и направился к выходу, его мантия мягко колыхалась за спиной.

Его голос по-прежнему был спокойным, но Джеми показалось, что сегодняшний свет ярче и теплее, чем в любой другой день.

Утренний ветер шевелил занавески, разбивая солнечные блики на столе. Когда Снейп встал, край его мантии коснулся тыльной стороны ладони Джеми, словно нежное прикосновение ночи.

Снейп решил, что необходимо обучить Джеми нескольким простым лечебным зельям.

В воздухе подземелья витал слабый аромат трав, а стеклянные флаконы на полках отливали изумрудным светом. Мантия Снейпа задела ступку, а кончик палочки подцепил листик серебристой травы.

— Смотри внимательно, — его запястье резко повернулось, и лист в воздухе рассыпался на частицы ровно по 0,3 миллиметра. — Любая нарезка, превышающая этот размер...

Он внезапно схватил Джеми за запястье и вложил пестик в его ладонь. На пальцах мальчика виднелись старые ожоги.

— ...сделает зелье бесполезнее слизи тролля.

Пока Джеми учился растирать ингредиенты, Снейп наблюдал за его чуть подрагивающими пальцами. Профессор внезапно взмахнул палочкой, и с верхней полки прилетел флакон с перламутровой мазью.

— Сначала намажь это, — он указал палочкой на старые шрамы на тыльной стороне ладони Джеми. — Если только ты не хочешь, чтобы зелье от фурункулов пахло горелыми пальцами.

Когда Джеми впервые удалось сварить базовое лечебное зелье нежно-голубого цвета, над котлом поднялся крошечный серебристый пар в форме барсука. Выражение лица Снейпа было таким, словно его заставили съесть целую коробку конфет Берти Боттс.

— ...едва тянет на удовлетворительно. — Он взмахнул мантией, разливая зелье по флаконам. На этикетке сама собой проступила надпись:

Первая работа Джеми Ислина — не зазнавайся.

Закатный свет падал через высокие окна, растягивая их тени на стене. Рядом с высокой фигурой в черной мантии маленькая тень украдкой показала жест победы.

\*В левой руке Снейпа внезапно вспыхнула жгучая боль, Черная метка под кожей налилась темно-красным цветом. Его лицо осталось бесстрастным, лишь костяшки пальцев побелели от напряжения.

Джеми стоял неподвижно. Его ярко-синие глаза были устремлены на левую руку Снейпа, которую тот невольно прикрыл — жест был слишком знаком, именно так действовал его приемный отец, прежде чем ударить его.

Снейп невозмутимо отложил серебряный нож и пододвинул Джеми нарезанные бобы.

— Продолжай обрабатывать остальное, — его голос звучал ровно, будто ничего не произошло.  
— Точность до 0,2 миллиметра. Если по возвращении я обнаружу, что твои навыки ухудшились...

Черная мантия взметнулась, он повернулся к выходу, но в последний момент помедлил.

— На третьей полке шкафа есть полуфабрикат успокоительного, — он не оборачивался, голос звучал глухо и холодно. — Если зелье закипит выше критической точки, добавь две капли.

Джеми остро почувствовал напряжение, висевшее в воздухе, но не стал ничего спрашивать, лишь кивнул.

— Да, сэр.

Тюбик с золотистой мазью прилетел с полки прямо в руки Джеми.

— Намажь бадьян на свои... нелепые царапины. Не спускайся вниз.

Уголки губ Снейпа едва заметно дрогнули, словно в знак согласия. Секундой позже его фигура исчезла за дверью, а поток воздуха от аппарации лишь слегка качнул пергамент на столе — на нем были записаны шаги приготовления зелья, почерк Джеми был до упрямства аккуратным.

Глубокой ночью Паучий тупик накрыл ливень. В тот миг, когда молния рассекла небо, Снейп, пошатываясь, появился на пороге. Его мантия промокла насквозь и прилипла к телу, из-за чего он казался еще более изможденным. Рукав на левой руке был разорван, и из-под него сочился черный дым от Метки, а кожа вокруг приобрела пугающий сине-багровый оттенок.

— Сэ... сэр?

Голос Джеми раздался сверху, с лестницы, с нотками осторожности. Он вовсе не спал, прижимая к груди книгу Основы лечебных зелий, открытую на главе о последствиях заклятия Круциатус.

Снейп поднял голову, на его бледном лице еще читались следы боли. Темные глаза жутко сверкали в темноте, губы были сжаты в тонкую линию.

— Я полагаю, — его голос звучал так, будто его опалили углями, — что фраза проваливай в кровать слишком сложна для понимания даже для тролля?

Но в следующую секунду его колени подогнулись, и он был вынужден опереться на стену, чтобы не упасть.

Джеми, словно испуганный Нюхлер, метнулся вниз по лестнице, но резко затормозил в трех шагах от Снейпа — взгляд профессора сейчас был опаснее самого свирепого соплохвоста.

— Шкаф... — пальцы Снейпа дрожали, указывая на кладовую. — Второй ряд... серебряный флакон...

Джеми бросился туда, а вернувшись, принес не только зелье, но и охапку бинтов и сухих полотенец. Он не решался коснуться Снейпа, лишь расставил все на ближайшем столе, работая с быстротой сапера.

Когда Снейп наконец выпил зелье и его лицо немного прояснилось, он заметил, что Джеми складывает полотенца методом из книги о магических существах — в форме волн, удобных для компресса. Пальцы мальчика дрожали, но движения были невероятно точными.

— ...как долго ты здесь стоял? — внезапно спросил Снейп.

Джеми опустил голову, его голос был едва слышен:

— С тех пор как началась гроза.

Снова блеснула молния, осветив невысохшие следы воды на полу — от чердака до подземелья, по капле на каждые три ступеньки.

Палочка Снейпа вспыхнула, огонь в камине сменился теплым оранжевым пламенем. Когда он бросил Джеми плед, движение было почти грубым, но ткань легла точно так, чтобы укрыть замерзшие ступни мальчика.

Дыхание Снейпа постепенно выравнивалось, черный дым над Меткой рассеялся. Он откинулся в кресле у камина, его бледное лицо в свете огня казалось уставшим и постаревшим.

Он молча смотрел на Джеми — мальчик сидел на коленях на ковре перед камином, в его ярких глазах отражалось пляшущее пламя, а пальцы бессознательно теребили край пледа. Книга по основам зельеварения все еще лежала у него на коленях, на страницах виднелись

пятна — от дождя или чего-то еще.

Огонь в камине весело потрескивал.

— Если я скажу, что мне не лучше, — наконец произнес Снейп, и его голос звучал непривычно хрипло, — ты собираешься караулить здесь до рассвета?

Джеми промолчал, лишь тихонько пододвинул полотенце для компресса ближе к Снейпу.

Уголок рта профессора дернулся, словно он хотел усмехнуться, но передумал. Он протянул руку и взял флакон с зельем — обнаружив, что он пуст наполовину.

— Ты пил его? — его темные глаза внезапно стали острыми.

Джеми втянул голову в плечи, его голос был тише писка:

— Всего... глоток. Вы сами говорили, что его можно использовать при предвестниках магического выброса...

Лицо Снейпа застыло. Только теперь он заметил, что на запястье мальчика проступили бледные серебристые узоры — знак нестабильной магии.

Наступило долгое молчание.

Внезапно тяжелый шерстяной плед опустился сверху, укутав Джеми с головой, как кокон. Снейп взмахнул палочкой, и ковер перед камином превратился в импровизированную кровать.

— Спи, — отрезал он. — Если я узнаю, что ты среди ночи тайком читал мои личные записи...

Угроза осталась незаконченной: Джеми уже завалился в плед. В ожидании Снейпа он выбился из сил, и веки стали тяжелыми, как свинец. Перед тем как окончательно провалиться в сон, он услышал едва слышный вздох и фразу, тихую, как галлюцинация:

— ...стало лучше.

Когда утреннее солнце пробилось сквозь занавески, Джеми обнаружил, что укрыт вязаным пледом в цветах Пуффендуя, а личный дневник зелий Снейпа лежит прямо под рукой — открытый именно на странице с улучшенной формулой стабилизатора магического выброса.